

С. В. Чертоусова

Передача эрратологического компонента социолектальных и региональных особенностей речи персонажей в художественном переводе (на материале романа Г. Кабреры Инфанте «Три грустных тигра»)

В статье рассматриваются способы передачи идиолекта героинь испаноязычного романа Г. Кабреры Инфанте «Три грустных тигра» в переводе на русский язык, а именно его эрратологического компонента. Уточняется понятие «роман языка» и перечисляются языковые трудности при переводе подобных текстов. Выявляются отклонения от литературной нормы на всех языковых уровнях в монологах героинь и определяются их функции в рассматриваемом художественном произведении. Особое внимание уделяется социолектальным и региональным особенностям кубинского национального варианта испанского языка и поиску их функциональных эквивалентов в русском языке. Проведенный анализ показывает применение переводчиком комплексных трансформаций для достижения максимально возможной степени эквивалентности и оказания аналогичного коммуникативного эффекта на потенциального реципиента художественного текста. Полученные результаты могут внести вклад в дальнейшее изучение романа языка как объекта перевода.

Ключевые слова: художественный перевод, лингвокультура, социолект, региолект, идиолект, коммуникативный эффект, функциональный эквивалент, языковая ошибка, зрительный диалект.

Для цитирования: Чертоусова С. В. Передача эрратологического компонента социолектальных и региональных особенностей речи персонажей в художественном переводе (на материале романа Г. Кабреры Инфанте «Три грустных тигра») // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 3. – С. 226–240. DOI: 10.35231/25419803_2023_3_226. EDN: TYGKUG

Вышедший в 1967 году роман кубинского писателя Г. Кабреры Инфанте «Три грустных тигра» мгновенно вызвал живой интерес не только у латиноамериканских читателей, но и у современных лингвистов. Глубокому анализу подвергались проблематика и сюжет произведения, написанного в жанре нового латиноамериканского романа, а также своеобразный язык автора. Для обозначения языковых осо-

бенностей «Трёх грустных тигров» в научных исследованиях закрепился термин «роман языка», к которому относят литературные тексты, где слово выполняет не просто роль передачи информации, а преобразует саму повествовательную лингвистическую действительность [16; р. 22–23]. Язык в подобных романах служит дополнительным средством создания новой реальности, передачи скрытых смыслов, а его референциальная функция отходит на второй план [10, р. 19].

Логично предположить, что столь существенная роль языка в построении художественного повествования значительно усложняет его перенос в иноязычную лингвокультуру, поэтому роман «Три грустных тигра» некоторое время считался непереводаемым [11, р. 37]. В то время как в самых ранних переводах на английский и французский языки (оба опубликованы в 1971 году) принимал участие сам Г. Кабрера Инфанте, немецкоязычные читатели смогли познакомиться с романом спустя 20 лет, на русском и японском языках первые издания появились в 2014 году, а на сербском – в 2016 году. Следует отметить, что для Дарьи Игоревны Сеницыной – переводчицы романа на русский язык – глубокая работа над текстом длилась более десяти лет и отразилась в фундаментальном диссертационном исследовании¹.

Дополнительной трудностью при переводе романа «Три грустных тигра» становится его «регионализм», то есть ориентированность на изображение культурно-исторического своеобразия Кубы, а точнее, Гаваны 1950-х годов, проявляющегося как в содержательном, так и в языковом наполнении произведения: в речи персонажей присутствуют одновременно социолекты и региолекты, воспроизводящие живую кубинскую речь и служащие средством создания идиолоктов главных героев. Л. Пеженот считает данный роман одним из ярчайших примеров того, как смена лингвистического кода (то есть языка) неизбежно ведет к потере культурной коннотации всего текста [15, р. 10]. Возможно, поэтому столь значимое произведение латиноамериканской литературы долгое время не переводилось на русский язык и пока не нашло должного теоретического осмысления в отечественной лингвистике.

¹ Сеницына Д. И. Творчество Гильермо Кабреры Инфанте и «новый» латиноамериканский роман: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 238 с.

Материалы и методы

Настоящее исследование посвящено выявлению особенностей перевода романа «Три грустных тигра» на русский язык. Поскольку в рамках отдельной статьи невозможно охватить все стороны столь комплексного процесса, мы ограничимся анализом способов передачи социолектальных и региональных особенностей речи персонажей, а конкретно ее эрратологического компонента. Обращение именно к речевым ошибкам обусловлено такой особенностью романа, как использование автором приема так называемой «фиктивной устной речи» для воспроизведения идиолектов персонажей из низших слоёв населения («fingierte Mündlichkeit» – термин немецкого лингвиста П. Гётча [9], в испаноязычных исследованиях ему соответствуют «texto hablado» [2; 3, p. 44], «oralidad fingida» [5] или «oralidad escrita» [8, p. 115]). Роман представляет собой некий «коллаж» из текстов в разных формах (монолог, диалог, письмо и т. д.), не всегда имеющих заголовков и сообщающих, от чьего лица ведется повествование. Таким образом, по идиолектальным особенностям текстов читатель должен идентифицировать монологи бедных и необразованных Делии Досе, Магалены Крус и Бебы Лонгории, которые противопоставляются речи других персонажей романа.

Эрратологические компоненты идиолектов перечисленных выше героинь романа проявляются на всех языковых уровнях, а значит, при их переносе в другую лингвокультуру необходимо учитывать фонетический, лексический и синтаксический строй языка перевода. Поскольку русский и испанский языки не являются близкородственными, переводчик должен попытаться преодолеть межъязыковую асимметрию и достичь сходного коммуникативного эффекта, оказываемого текстом на потенциального реципиента, посредством подбора функциональных эквивалентов социолектальным и региональным нарушениям литературной нормы, которые являются идиолектальными маркерами героев романа. Далее будут рассмотрены способы передачи на русском языке речевых ошибок как элементов идиолекта малообразованных жителей Гаваны отдельно на каждом языковом уровне.

Результаты

Одним из приемов воссоздания «фиктивной устной речи», который использует Г. Кабрера Инфанте, является «зрительный диалект» («eye dialect»). Намеренное нарушение орфографических норм выполняет двойную функцию в художественных текстах: оно служит для воспроизведения региональных или социолектальных особенностей произношения персонажей, а также указывает на низкий уровень образованности говорящего [18, p. 4], что и имеет место в анализируемом романе. На первых страницах автор указывает, что книга написана по-кубински и язык в ней представляет собой смешение гаванских диалектов и ночного жаргона, поэтому некоторые главы рекомендуется читать вслух: таким образом, звуковая форма слов привносит дополнительные значения в содержание [4; p. 3–4].

К основным фонетическим особенностям кубинского варианта испанского языка, нашедшим отражение в идиолекте персонажей романа «Три грустных тигра», относятся:

* типичное для большинства латиноамериканских стран сесео («seseo») – отсутствие оппозиции в произношении согласных *s*, *z* и *s* ([θ] и [s]). У малообразованных носителей это служит источником орфографических ошибок: *resibir*, *empesó*, *piresiera*, *haser*, *siruela*, *parese*, *desente*, *radiosentro*, *edifisio*, *serveisa*, *conoscas*, *antifás*, *ensima*, *el anunsio dise*, *comersiales*, *en ves de desir*, *la calzada*, *cada ves*, *pelo lasio*, *sapatos*, *presioso*, *zatén*, *por sierto*, *sigarros*, *dulse*, *se ensendían*, *sosios*, *selebrarlo* [4; p. 18–33] и др.;

* аспирация или опущение согласных *s*, *s* и *z* в конце слова или слога. Чем чаще звук [s] не произносится, тем ниже социальный статус говорящего: *tú sabrá(s)*, *tú me conoce(s)*, *almeno* (al menos), *dijusto* (disgusto), *e(x)cusados*, *con(s)tantemente*, *na ma* (nada más), *e que* (es que), *e(s)tás*, *mi(s)mó*, *me oí(s)te*, *tú me pregunta(s)te*, *tú no tenerate* (te enteraste), *cono(z)co* [4; p. 18–35];

* ламбдаизм (замена сонорного звука [r] на латеральный [l] в конце слога или слова), примерами которого изобилует письмо бедной мулатки Магалены Крус: *hablal*, *metel*, *coldel*, *pasal*, *de lo mejol*, *dal-le* (darle), *el selebro* (cerebro) [5, с. 24–34];

* йеизм («yeísmo») – диалектальная особенность произношения букв *ll* и *y* как одного и того же палатального фрикатив-

ного звука, что приводит к ошибочной взаимозамене графем: *yegará, valla* (в значении *vaya* – формы субхунтива глагола *ir*), *se callera, aqueyos, tulla* (в значении притяжательного местоимения *tuya*), *cartiya, olles, crellón, se yamaba* [4; p. 18–23].

К ним добавляются характеристики, типичные для разговорного стиля произношения носителей испанского языка в целом:

* опущение согласного [d] в конце слов и в интервокальной позиции (синкопа): *usté, tranquilidá, verdá, edá, te habrás enterao, tendío, has parío, estaba vestía, marío, qué confundía e(s)tás, ajetriao (ajetreado)* [4; p. 18–34]. Некоторые из подобных форм могут квалифицироваться как вульгаризмы [12, p. 19];

* коалесценция (слияние двух слов) и ее частный случай – синалефа – слияние гласных на стыке слов: *pacá pa la Habana* (para acá para La Habana), *que visto* (que he visto), *yo siempre sío* (yo siempre he sido), *por quiba cambiar* (por qué iba a cambiar), *no le dao ná* (no le he dado nada), *désas* (de esas), *tos* (в значении todos), *parriba y pabajo* (para arriba y para abajo), *tú te puededil-aonde-te-de-la-gana* (tú te puedes ir adonde te de la gana), *mijita* (mi hijita), *miamiga* (mi amiga), *testaba* diciendo (te estaba diciendo) [4; p. 23–33]. С помощью данных приемов воспроизводится беглость устной речи;

* редукция безударных гласных: *rialidá, rialmente, cuchi-chiaban, peliados* [4; p. 18–23].

Помимо этого, в монологах Магалены, Бебы и Делии присутствует целый ряд орфографических и пунктуационных ошибок, непосредственно не связанных с особенностями произношения жителей Гаваны. Они не являются социолектальными и диалектальными маркерами, и их функция в тексте ограничивается указанием на низкий уровень образованности языковой личности. Таким образом, эрратологический компонент идиолекта героинь дополняется следующими примерами «зрительного диалекта»:

* взаимозамена согласных букв *b* и *v*: *se ha cavido, viben, rebista, volbió, brabo, tubimos, caval, bale* (в значении междометия *vale*), *conbertible, bino, estubieron, labando, todavía, polbo, becinos, olbido, bamos, maravillosa, Bedado* (один из районов Гаваны – *Vedado*), *sinberguensería* [4; p. 18–33]. Подобные ошибки довольно частотны среди носителей испанского языка,

поскольку для правильного выбора написания необходимо знать этимологию слова [14; p. 30–35];

* ошибки в опущении или написании непроизносимой буквы *h*: (h)uyó, a(h)ora, se (h)abía mudado, (h)uérfanas, (h)ice, (h)asiendo, (h)uele, (h)asta, (h)ubiera contado; el halma, Harsenio (имя собственное Arsenio), hay (в значении междометия ay) [4; p. 18–25]. Последние примеры иллюстрируют существующие в любом языке случаи гиперизма, то есть ошибок гиперкоррекции, когда продуцент немотивированно использует языковые правила за пределами границ их применимости;

* взаимозамена согласных букв *g* и *j* при обозначении глухого велярного фрикативного звука [x]: injenio, cojidas [4; p. 19–23]. Их различие на письме также предполагает учет формы латинского этимона;

* неправильная постановка тильды – диакритического знака, указывающего на ударение в слове или выполняющего смыслоразличительную функцию (диакритический акцент): eramos, jugabamos, ibamos, para mi eres como una hermana, lapis, preguntas donde estaba, le pregunté que como era, fué, consiganse, imagínate tú hija [4; p. 18–23];

* пунктуационные ошибки, состоящие в опущении кавычек при передаче прямой речи и перевернутого вопросительного знака в начале предложения: (¿) subido adónde? [4, p. 20]; se desían con(s)tantemente (“)mi hermana y mi amiga y mi amiguita(“) y cosas... [4, p. 23];

* употребление строчной буквы вместо прописной, например, в именах собственных: la Habana (La Habana) [4, p. 22];

* ошибки в слитном или раздельном написании слов: *díes* у *seis*, *co madre*, *a ora* (ahora), *larrisa* (la risa) [4; p. 18–33].

Перечисленные выше фонетические особенности и орфографические девиации не типичны для носителей русского языка, поэтому «зрительный диалект» в переводе не может быть построен посредством тех же самых языковых средств. Следует также учитывать тот факт, что в русском языке стратификационная и территориальная вариативность не выражаются столь отчетливо именно на фонетическом уровне. Этим объяснима выбранная переводчиком стратегия сохранения фонетического письма только в функции указания на низкий уровень образованности персонажей, а не отражения

их социокультурной принадлежности. В силу структурных различий в фонетических системах испанского и русского языков «зрительный диалект» передается не отдельными переводческими трансформациями, а с помощью комплексных преобразований, например: Tu hija Cuba Venegas, perdóname Estel pero es que me da una risa, ella bino por aquí varias veces, cada ves mejor vestida que la otra ves. Una de las veses bino y entró y benía junto con ella un muchachito muy delgadito, muy delicado que siempre se pasaba la lengua por los labios y se los mojaba y tenía el pelo muy lasio así como una onda sobre la cara y que le yebava una maletica chiquita de pajilla... [4; p. 21–22] / Твоя дочка Куба Венегас извени Эстель я не могу с нее со смеху, приехала к нам нескра рас и каждый рас все лучше была одета. Как то приехала, зашла, а с ней такой тощенький изящный парнишечка, все облизывался, а волосы такие глаткие, волной на лоб спускаюца, и нес за ней маленький плетеный чимоданчик... [1, с. 32];

La dejé hablal así na ma que pa dale coldel y cuando se cansó de metel su descaiga yo le dije no que va vieja, tu etás muy equivocada de la vida (así mimo), pero muy equivocada: yo rialmente lo que quiero e divestime y dígoles, no me voy a pasal la vida como una momia aquí metía en una tumba désas en que cerraban lo farallone y esa gente ... [4, p. 24] / Нудумаю пагавари пагавари завидись патом ей надоела аяей пряма дарагуша, ты есси хочш знать сильнашибаишся (так и скаала) сама не знаиш как ты ашибаишся: я на самам дели проста хчу катом развеица я грю не сабираюсь тут сю жинь сидеть я вам ни мумие штоп в магили лижать как фараены и прочии... [1, с. 34].

Эрратологический компонент идиолектов Делии и Магалены выражен в тексте романа на русском языке с помощью таких ошибок, как неправильное употребление дефиса, отсутствие знаков пунктуации, неверное написание гласных и мягкого знака после шипящих, присутствуют также ошибки в слитном или раздельном написании слов, правописании букв в слабой позиции и др. К ним добавляются случаи разговорного произношения, выражающегося в редукции гласных и согласных звуков и сращении слов.

Важным представляется подчеркнуть, что выявленные отклонения от литературной нормы на фонетическом уровне

в романе на испанском языке можно квалифицировать как ошибки, поскольку они рассматриваются в рамках письменного текста. Не следует забывать, что как в любом другом полицентрическом языке (то есть языке, представленном несколькими национальными вариантами [7, p. 534]), в испанском языке нормативными признаются все региональные варианты произношения и интонации. Значит, в устной форме средства воссоздания «зрительного диалекта» могли бы служить исключительно указанием на социальную и национальную принадлежность языковой личности.

Примечательно, что переводчик принял решение отражать фонетические особенности речи героинь в двух монологах из трех. Это оправдано тем, что Беба Лонгория – жена полковника Суареса, и хотя ее произношение и выдает низкое социальное происхождение, в настоящий момент она общается с представителями элиты Гаваны и стремится подражать их речевому поведению. Отсюда такая идеолектальная особенность ее персонажа, как ассимиляция заимствованных слов, в частности, англицизмов: таким образом, в оригинале используется фонетическое письмо, а при переводе монолога на русский язык оно заменяется либо транскрипцией, либо ситуативным эквивалентом. Сравним: «*senkiu miamiga*» [4, p. 34] – «Сенкью, подруга» [1, с. 46], «*solón*» (so long) [4, p. 35] – «бай-бай» [1, с. 48].

Приведенные примеры иллюстрируют стратификационную вариативность кубинского варианта испанского языка: в середине прошлого века использование в речи англицизмов указывало на достаточно высокий социальный статус говорящего. При этом в монологах двух других героинь – Делии и Магалены – также присутствуют единичные заимствования, но они употреблены с ошибками (в написании или произношении), что, напротив, свидетельствует о недостаточном уровне их образования. В русскоязычной версии романа данный эрратологический компонент идиолектов передается допущением орфографических, а также словообразовательных ошибок, вызванных ложной фонетической аналогией: *Ella está allí casi en cueros, con una trusita de esa que se llaman bequini...* [4, p. 20] / Она там почти нагишом, в купальнике в этом который называется бекини... [1, с. 32]; ...y me dijo que

ahora también era *bedete* o algo paresido... [4, p. 22] / ...и сказала что она теперь *старленка* или что то в этом роде... [1, с. 34].

С учетом того, что в настоящее время англицизмы используются во всех регистрах испанского языка разными слоями населения [7, p. 86], подобные заимствования не всегда могут рассматриваться как социолингвистические индикаторы, поэтому невозможность их полной передачи при диахроническом переводе (каким и является русскоязычная версия «Трех грустных тигров»), на наш взгляд, никоим образом не снижает эквивалентность текстов оригинала и перевода.

Искажению формы в результате неверного толкования этимологии подвергаются также и другие слова, не относящиеся к разговорной лексике (некоторые термины, литературные и книжные выражения). В переводе эрратологический компонент сохраняется с помощью намеренного нарушения орфографических норм и фонетического уподобления по принципу ложной аналогии: «*simonimos*» (*sinónimos*) [4, p. 21] – «симонимы» [1, с. 33], «*una conversadera altrata*» (*abstracta*) [4, p. 33] – «апсрачная тема» [1, с. 46], «*lo farallone*» (*los faraones*) [4, p. 24] – «фараены» [1, с. 35], «*me rompe el tempano*» (*el tímpano*) [4, p. 24] – «тока шт ни аглохла» [1, с. 35], «*fetivamente*» (*efectivamente*) [4, p. 24] – «точна» [1, с. 35], «*infacto cardiaco*» (*infarto*) [4, p. 35] – «сердечный инфаркт» [1, с. 80]. В последний пример включен плеоназм, перенесенный в текст перевода ситуационным соответствием.

Прием целостного преобразования выбирается при передаче нарушений в употреблении героинями романа ряда лексических единиц. Малоупотребительными или разговорными считаются испанские слова и выражения *ni tan siquiera*, *endonde*, *o séase*, *cogerse las manos* и др. [6, p. 299]: ...y yo te puedo decir que hace mucho pero mucho tiempo que no sabemos ni j de ella, pero *ni una palabra tan siquiera*. No se si allá *endonde* ustedes viben ahora que es donde se perdió el chaleco como dice Gilberto yegará la rebista Bohemia... [4, p. 18] / ... ну так могу тебе сказать что мы уже давным давно нич. про нее не знаем, прямо *ничевошеньки*. Не знаю, туда где вы жевете у черта на рогах как говорит Хильберто доходит журнал Бозмия... [1, с. 42]; ... luego *desían cosas* que yo no entendía casi y se reían después y también se reían por gusto y salieron al patio

se rieron de los becinos y se *cojían las manos* y se desían contantemente mi hermana y mi amiga y mi amiguita y cosas así... [4, p. 23] / ... и хихикали бес причины и во дворе над соседями *надсмехались* а сами держатся за ручки и друг друшке говорят сестренка, падрушка, зайка моя... [1, с. 53]; ...e que *uté no sabe vivir el momento y la vida se le base dificilísima o séase que ya etá muy antañona pa comprehendel-me...* [4, p. 24] / ... ни умеити вы жить сиводнишним днем куда вам в этам ся беда, яснае дела вам миня ни панять из вас *писок уже сытица* ... [1, с. 55].

В приведенных примерах стилистическая компенсация достигается с помощью просторечий «ничегошеньки», «на(д) смеяться» и «песок сыпется», написанных с орфографическими ошибками.

Еще одной особенностью идиолекта языковой личности, которую можно считать отклонением от литературной нормы, является бедность речи и небольшой словарный запас, следствием чего становятся неоправданные лексические повторы. В анализируемом романе автор активно включает в монологи героинь слова широкой семантики (исп. *palabras genéricas, palabras comodín, palabras baúl*). В испанском языке к ним относятся, например, существительные «*asunto, problema, cosa, tema*», прилагательные «*bueno, grande, pequeño, positivo, impresionante*», глаголы «*poner, hacer, tener, realizar*» и пр. [12, p. 307]. Поскольку данное явление характерно и для русского языка, при переводе отрывков можно воссоздать аналогичный эффект бедности языка говорящего с помощью лексических повторов, однако, это не всегда удастся сделать в одном и том же фрагменте. Так, письмо Дели Досе в оригинале содержит заполнитель пауз – выражение «*y todo*», не несущее никакого значения в высказывании, а также повторяющиеся в одном предложении глагол («*decir*») и существительное («*la carta*»): «...*hasta nos enseñó una carta que ella decía ella que era de tu parte y en esa carta tú decías que nos la mandabas pacá que estudiara y se iciera una mujer de provecho y todo y nosotros fuimos tan bobera que nos lo creimos y la dejamos dormir aquí y todo eso ya tu sabes lo que eso significa por que en este cuarto nunca se ha cavido a derecha...*» [4, p. 18].

В переводе лексические повторы перенесены в следующий абзац того же монолога Делии: «Честное благородное

слово Эстель прямо еле удержалась чтоб не надавать ей пашечин за бессовесность <...> Знаешь что твоя дочка сказала? Вот то самое и сказала, что я тебе написала а сама ушла. И вобщем не было ее дней десять или две недели покрайней мере, а как вернулас так вся из себя красивая и еще прощения просила и сказала что она уже больше не нянькой а работает теперь в парикмахерской и это гораздо лучше платят больше намного и она переехала в пансион. Я прямо обрадовалась честное слово, и себе сказала ну дает Эстельвина-то вот и прижелась уже в Гаване и честное слово тебе даю тут прямо все вспомнила...» [1, с. 30].

Сохранение характерного для персонажа Делии скудного словарного запаса в переводе подтверждает количественный анализ используемых ею лексем: глагол «decir» встречается в письме героини 38 раз, а в переводе на русский язык 25 раз употреблена его эквивалентная форма «сказала». Что касается синтаксических девиаций кубинского варианта испанского языка от литературного стандарта, то среди выявленных нами отклонений в тексте оригинала лишь одна конструкция указывает на региональную принадлежность говорящего: это энклитические местоименные формы. Именно на Кубе и в разговорной, и в формальной речи распространена постпозиция дополнений, выраженных личными местоимениями, по отношению к спрягаемой форме глагола (*dígole, díseme, díjome* и др.), в то время как в других испаноязычных регионах подобные словоформы считаются архаичными [13, р. 39]. Ввиду очевидной невозможности передать средствами русского языка характерные особенности построения предложений жителями Острова Свободы переводчик вновь прибегает к приему «зрительного диалекта» и включения в монолог Магалены разговорной лексики:

...*díseme, tú te puededil-aonde-te-de-la-gana, que yo no te voy paral ni ponel freno...* [4, р. 24] / ...ты, грит, можеш катица куда хочш я тибя диржать ни стану и тармазить нистану... [1, с. 34]; ...*y le digo, dígole, nada ma que se vive una ve, miamiga, y hay que sabelo hasel que eso e también una siensia te enterate?* [4, р. 24] / ...и ткая гаварю ей мы адин рас живем милая и пражить тоже нада уметь а ни сякий умеит понила? [1, с. 34]; *Acabate dil de una ve, díjome* [4, р. 25] / Иди уже штоп я тя ни видила [1, с. 37].

Кроме того, большая часть грамматических ошибок в анализируемых отрывках обусловлена беглостью устной речи и, соответственно, уже рассмотренным ранее фонетическим письмом: «parece (que) se metió» [4, p. 18], «no vaya (a) colgar» [4, p. 33], «lo metió (en) la máquina» [4, p. 35] и др. Пропуск служебных частей речи в оригинале компенсируется в тексте на русском языке эллиптическими конструкциями, которые также создают эффект разговорного регистра общения: *Mira tú para eso, yo de novia hora después haber sío querida de Sipriano desde tengo uso rasón y después de vieja y pelleja meterme a novia de punten blanco* [4, p. 33] / Представь, я – в невестах, это после того, как мы с Сиприано живем с незапамятных времен, а тут вдруг в белом платье [1, с. 46].

Обсуждение и выводы

Итак, проведенный анализ отрывков романа «Три грустных тигра» на испанском языке и их переводов на русский язык показал, что в данном художественном произведении языковые единицы на всех уровнях выполняют сразу несколько функций: они характеризуют персонажей, отражая их региональную и стратификационную принадлежность и являясь частью их речевого портрета, и вместе с тем создают неповторимый культурно-исторический фон всего повествования. При этом фиктивная устная речь, образующая эрратологический аспект идиолекта героинь, основывается на фонетическом, лексическом и синтаксическом строе испанского языка. Пренебрежение каким-либо из этих компонентов и его нейтрализация в переводе неизбежно приведет к смысловым потерям и снижению эстетической ценности текста. Вероятно, поэтому задача перевода данного романа может показаться невыполнимой. Однако само существование вариантов «Трех грустных тигров» на неблизкородственных языках доказывает, что перенесение текста в иноязычную лингвокультуру все же представляется возможным. Ввиду отсутствия однозначных соответствий кубинского национального варианта в русском языке в качестве его функционального эквивалента был выбран разговорный регистр речи, указывающий на низкий социальный статус коммуникантов. Для воссоздания «естественности» ошибок в монологах героинь

при переводе используются комплексные трансформации, так как межъязыковая асимметрия не позволяет сохранять девиации на том же уровне языка. Таким образом, переводчику удастся добиться сходного коммуникативного эффекта на потенциального реципиента.

В заключение стоит еще раз отметить, что такой жанр художественной литературы, как «роман языка», сам по себе ориентирован на представителей конкретной лингвокультуры и не может претендовать на статус универсального текста, легко преодолевающего культурные барьеры. На наш взгляд, достичь полного тождества текста оригинала и текста перевода для любой пары языков в подобных произведениях – цель принципиально недостижимая. Однако задачей переводчика в таком случае является попытка максимально полно передать лингвистические и экстралингвистические особенности художественного произведения и побудить иноязычного читателя к знакомству с неповторимым оригиналом.

Список литературы

1. Кабрера Инфанте Г. Три грустных тигра: Роман / Пер. с исп. и коммент. Д. Синицкой. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2014. – 576 с.
2. Águila C., Ponce M. Traducción de la oralidad escrita del español cubano al alemán en *Tres tristes tigres* de Guillermo Cabrera. Concepción, 2021. – 92 p.
3. Bak J. K. *Tres tristes tigres: estructura y lenguaje*. Houston: Rice University, 1980. – 97 p.
4. Cabrera Infante G. *Tres tristes tigres*. – Barcelona: Seix Barral, 1967. – 452 p.
5. Cadera S. M. La oralidad fingida del monólogo de Magalena Cruz en “*Tres tristes tigres*” de Guillermo Cabrera Infante y su traducción al alemán e inglés // *Grenzgänge*. – 2008. – Heft 30. – S. 57–87.
6. Diccionario panhispánico de dudas. – Madrid: Lengua Viva, 2005. – 872 p.
7. Fasla Fernández D. El español hablado en Cuba: préstamos vigentes, lexicogénesis y variación lingüística // *Cuadernos De Investigación Filológica*. – 2013. – No. 33. – Pp. 73–96. DOI: 10.18172/cif.1487.
8. García de Toro C. Traducir la oralidad: su incidencia en el proceso de aprendizaje de la traducción // *Glosas didácticas: revista electrónica internacional de didáctica de las lengua y sus culturas*. – 2005. – No. 13. – Pp. 115–127.
9. Goetsch P. Fingierte Mündlichkeit in der Erzählkunst entwickelter Schriftkulturen // *Poetica: Zeitschrift für Sprach- und Literaturwissenschaft*. – 1985. – No. 17. – Pp. 202–218.
10. Hammerschmidt C. Mi genio es un enano llamado Walter Ego: estrategias de autoría en Guillermo Cabrera Infante. – Madrid/Frankfurt: Iberoamericana Editorial Vervuert, 2015. – 412 p.
11. Kleinert S. Übersetzen Als Dialogisches Spiel. Zu Wilfried Böhringers Übersetzung von Guillermo Cabrera Infantes “*Tres Tristes Tigres*” (Drei Traurige Tiger, Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1987) // *Iberoamericana*. – 1988. – Vol. 12., No. 2/3 (34/35). – Pp. 35–49.
12. Las 500 dudas más frecuentes del español. – Madrid: Instituto Cervantes, Espasa, 2014. – 512 p.
13. Nueva gramática de la lengua española. – Madrid: Espasa Libros, 2009. – 993 p.
14. Ortografía de la lengua española. – Larousse, 2015. – 224 p.

15. Pegenaute L. La traducción del posmodernismo hispanoamericano: reflexiones sobre la interpretación de la cultura // *Parallèles: cahiers de l'École de Traduction et d'Interpretation de l'Université de Genève*. – 1997. – No. 19. – Pp. 177–192.

16. Rodríguez Monegal E. Los nuevos novelistas // *Mundo nuevo*. – 1967. – No. 17. – Pp. 22–23.

17. Stewart W. A. A Sociolinguistic Typology for Describing National Multilingualism // *Readings in the Sociology of Language*. – The Hague, 1968. – Pp. 531–545.

18. Zwicky A. M. *Mistakes*. – Reynoldsburg: Advocate Publishing Group, 1980. – 53 p.

Svetlana V. Chertousova

Rendering of the Erratologic Component of the Sociolectal and Regional Features in the Speech of the Characters in Literary Translation (Based on the Novel "Three Trapped Tigers" by G. Cabrera Infante)

The article is devoted to the ways of rendering the idiolects of the female characters in the novel "Three Trapped Tigers" written in Spanish by G. Cabrera Infante in its translation into Russian and specifically rendering of its erratologic component. The notion of "novel of the language" is specified and linguistic difficulties in the translation of such texts are listed. Deviations from the literary norm are revealed at all language levels and their functions in the novel are determined. Special attention is paid to the sociolectal and regional features of the Cuban Spanish and the search for their functional equivalents in Russian. The analysis shows the use of complex transformations by the translator in order to achieve the highest degree of equivalence and provide a similar communicative effect on potential recipients of a literary text. The materials of the article can contribute to further studies of novels of the language as an object of translation.

Key words: literary translation, linguoculture, sociolect, regiolect, idiolect, communicative effect, functional equivalent, language error, eye dialect.

For citation: Chertousova, S. V. (2023) Peredacha erratologicheskogo komponenta sociolektal'nyh i regional'nyh osobennostej rechi personazhej v hudozhestvennom perevode (na materiale romana G. Kabrery Infante «Tri grustnyh tigra») [Rendering of the Erratologic Component of the Sociolectal and Regional Features in the Speech of the Characters in Literary Translation (Based on the Novel "Three Trapped Tigers" by G. Cabrera Infante)]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 226–240. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_3_226. EDN: TYGRUG

References

1. Cabrera Infante, G. (2014) *Tri grustnyh tigra: Roman* [Three Trapped Tigers: novel]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbaha. (In Russian).
2. Águila, C., Ponce, M. (2021) Traducción de la oralidad escrita del español cubano al alemán en Tres tristes tigres de Guillermo Cabrera. Concepción. (In Spanish).
3. Bak, J. K. (1980) *Tres tristes tigres: esctructura y lenguaje*. Houston: Rice University. (In Spanish).
4. Cabrera Infante, G. (1967) *Tres tristes tigres*. Barcelona: Seix Barral. (In Spanish).

5. Cadera, S. M. (2008) La oralidad fingida del monólogo de Magalena Cruz en “Tres tristes tigres” de Guillermo Cabrera Infante y su traducción al alemán e inglés. *Grenzgänge*. Heft 30. Pp. 57–87. (In Spanish).
6. Diccionario panhispánico de dudas (2005). Madrid: Lengua Viva. (In Spanish).
7. Fasla Fernández, D. (2013) El español hablado en Cuba: préstamos vigentes, lexico-génesis y variación lingüística. *Cuadernos De Investigación Filológica*. No. 33. Pp. 73–96. DOI: 10.18172/cif.1487. (In Spanish).
8. García de Toro, C. (2005) Traducir la oralidad: su incidencia en el proceso de aprendizaje de la traducción. *Glosas didácticas: revista electrónica internacional de didáctica de las lengua y sus culturas*. No. 13. Pp. 115–127. (In Spanish).
9. Goetsch, P. (1985) Fingierte Mündlichkeit in der Erzählkunst entwickelter Schriftkulturen. *Poetica: Zeitschrift für Sprach- und Literaturwissenschaft*. No. 17. Pp. 202–218. (In German).
10. Hammerschmidt, C. (2015) Mi genio es un enano llamado Walter Ego: estrategias de autoría en Guillermo Cabrera Infante. Madrid/Frankfurt: Iberoamericana Editorial Vervuert. (In Spanish).
11. Kleinert, S. (1988) Übersetzen Als Dialogisches Spiel. Zu Wilfried Böhringers Übersetzung von Guillermo Cabrera Infantes “Tres Tristes Tigres” (Drei Traurige Tiger, Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1987). *Iberoamericana*. Vol. 12. No. 2/3 (34/35). Pp. 35–49. (In German).
12. Las 500 dudas más frecuentes del español (2014). Madrid: Instituto Cervantes, Espasa. (In Spanish).
13. Nueva gramática de la lengua española (2009). Madrid: Espasa Libros. (In Spanish).
14. Ortografía de la lengua española (2015). Larousse. (In Spanish).
15. Pegenaute, L. (1997) La traducción del posmodernismo hispanoamericano: reflexiones sobre la interpretación de la cultura. *Parallèles: cahiers de l'École de Traduction et d'Interpretation de l'Université de Genève*. No. 19. Pp. 177–192. (In Spanish).
16. Rodríguez Monegal, E. (1967) Los nuevos novelistas. *Mundo nuevo*. No. 17. Pp. 22–23. (In Spanish).
17. Stewart, W. A. (1968) A Sociolinguistic Typology for Describing National Multilingualism. *Readings in the Sociology of Language*. The Hague. Pp. 531–545.
18. Zwicky, A. M. (1980) *Mistakes*. Reynoldsburg: Advocate Publishing Group.

дата получения: 01.06.2023 г.
 дата принятия: 20.06.2023 г.
 дата публикации: 30.09.2023 г.

date of receiving: 01 June 2023
 date of acceptance: 20 June 2023
 date of publication: 30 September 2023